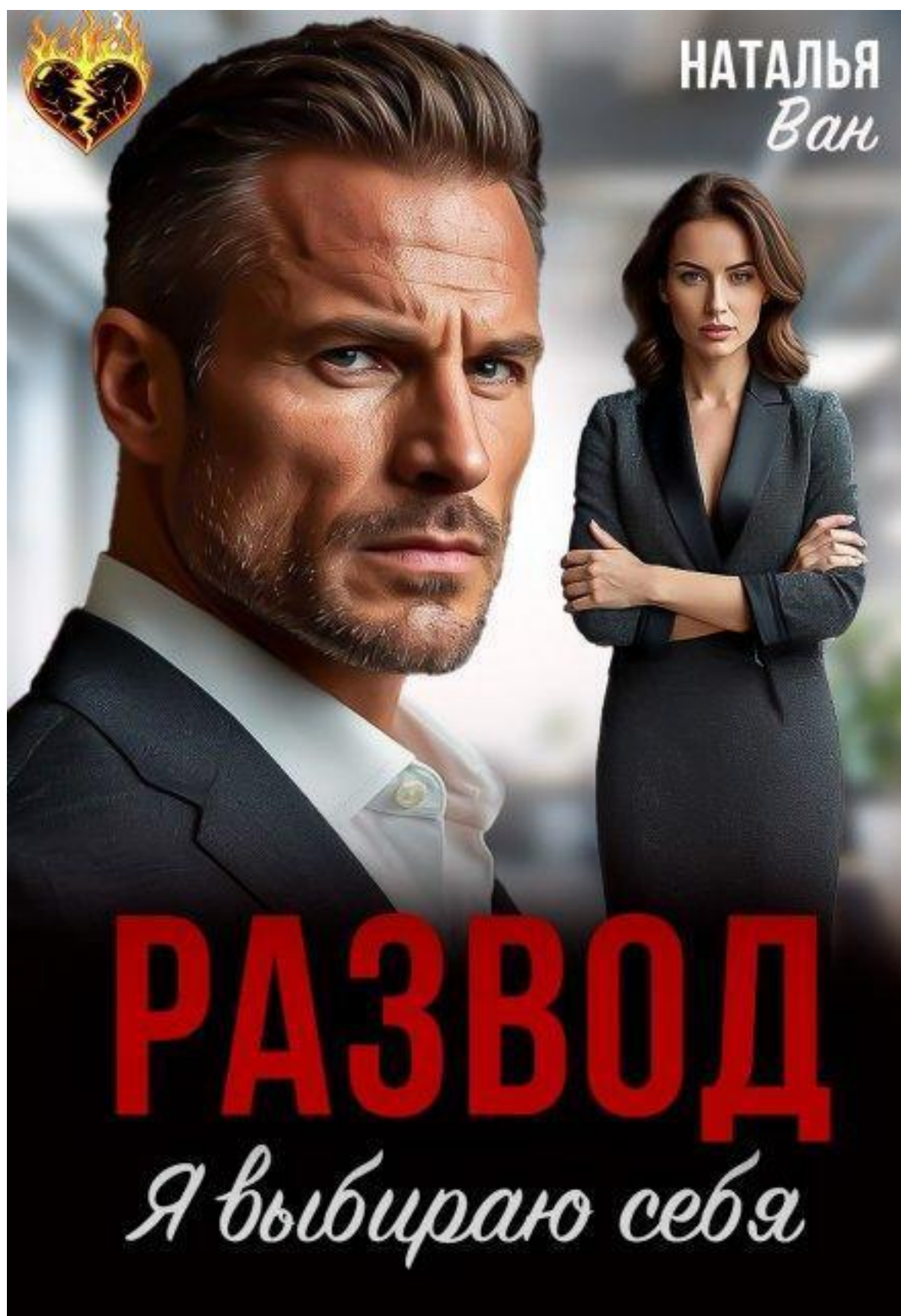

НАТАЛЬЯ
Ван

РАЗВОД

Я выбираю себя

Наталья Ван

Развод. Я выбираю себя

«Литнет»

2025

Ван Н.

Развод. Я выбираю себя / Н. Ван — «Литнет», 2025

— Папа! — звонкий, детский голос разрывает тишину, и незнакомая девочка тут же обнимает ноги моего мужа. — А мы с мамой думали, что ты уже ушёл с моего дня рождения. Его лицо бледнеет. В глазах застывает немой ужас, но его руки продолжают гладить её волосы, словно он так делает всегда. Всего одно слово и двадцать три года брака рассыпаются в прах. У моего мужа растёт внебрачная дочь. И я знаю на кого она похожа. В тексте есть: #Сильная героиня #Предатель-муж #Подруга без капли совести #ХЭКнига участвует в литмобе «Развод в 40. Кусай локти»;

© Ван Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Визуализация героев	9
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Визуализация героев. Часть 2	16
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	25
Глава 11	27
Визуализация героев. Часть 3	30
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	39
Глава 17	42
Глава 18	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава 1

Марина

Я поправляю складки шелкового платья, нервно сглатывая комок в горле. Где он? Взгляд снова прилипает к телефону. Всего одно сообщение:

“Задерживаюсь. Совещание. Скоро буду.”

Совещание. Конечно. Всегда совещание. Всегда работа.

Бокал вина уже пуст. Я заказываю второй, пальцы непроизвольно барабают по столешнице. Двадцать три года. Двадцать три года мы отмечаем этот дурацкий праздник. День нашего первого поцелуя у университетской библиотеки.

Это он придумал отмечать этот день.

“Не как у всех,” — твердил тогда он, а я была и рада. Кто не мечтает выделяться среди толпы сверстников? Вот только я не планировала последние три года в этот день часами сидеть одна в ресторане и ждать, когда он освободится.

Смешно. Преданно. Наивно.

Дверь ресторана распахивается. Я оглядываюсь на звон дверного колокольчика и замираю.

— Сюрприз-и-и-из, мамуля!

Мое сердце делает кульбит. Аня? Артём? Они же должны быть...

— Что вы... как..., — голос срывается. Дочь уже сжимает меня в объятиях, пахнущих ее любимыми духами. Сын стоит чуть поодаль, ухмыляясь.

— Папа напомнил, что сегодня ваш день. Вот мы и рванули! Все-таки лето, можем себе позволить.

Дима...

Где-то внутри теплеет. Он все помнит. Все еще помнит. Знает, как я скучаю по нашим детям, поэтому напомнил им, и вот они здесь.

— А где ваш папа?

— Ой, мамуль, не смейся! — искренний смех дочери греет душу. — На своем священном совещании! — хором отвечают Аня с Артемом. — Он позвонил и велел нам пока ехать к тебе, чтобы ты не грустила одна, а сам сказал, что приедет чуть позже.

— Ну, раз вы здесь, то я даже и не против. Сколько я вас уже не видела?

— Меня всего пару месяцев, а что до моего братца, то... полгода? — поигрывая бровями, говорит Аня и косится в сторону старшего брата.

— Он вообще-то учится! — оправдываю сына, но чувствую, как же сильно я по нему соскучилась.

Вечер больше меня не тяготит. Мы смеемся, заказываем еду. Я ловлю себя на том, что улыбаюсь как дура. Моя семья. Мои дети. Мой...

И тут появляется Дима.

Мой муж. В своем безупречном костюме. Волосы слегка растрепаны ветром. Он уверенно идет между столиков, и что-то... что-то в этом всем не так.

— Привет, дорогая, надеюсь, наши дети не дали тебе скучать? — поцелуй в щеку. Легкий, привычный. И запах.

Ваниль. Жасмин.

Те самые духи, которые я так любила раньше. Этот аромат принадлежал Ленке, моей подруге. Я влюбилась в этот запах не меньше, и все над нами шутили, что мы не только выглядим как сестры, но и пахнем одинаково. Вот только я уже лет пять ими не пользуюсь. В какой-то момент как отрезало, и я больше не могу их использовать.

Теперь они стоят в шкафу в самом дальнем углу и пылятся. Использовать не могу, а выбросить как-то рука не поднимается.

— Любимая, это тебе, — Дима протягивает мне букет. Желтые розы. Я замираю. Примета о желтых цветах проскальзывает в голове, но я быстро отгоняю ее прочь. Это же глупости, тем более...

— Ой, а второй-то букет зачем? — искренне радуюсь я.

Дима моргает.

— Какой второй?

— Как какой? Этот. Первый, курьер принес днем. Белые розы, мои любимые.

Я вижу, как кровь отливает от его лица. Вижу этот “о чем она говорит?” взгляд.

— Я... не отправлял цветов.

Глупость. Конечно, отправлял.

— Да брось, не скромничай! Но два букета — это даже для нашего особенного дня перебор. Думаешь, если в открытке написал от “Л”, то я не догадаюсь, что это значит “Любимый”?

Он садится, и я вижу.

Вижу, как его пальцы слегка дрожат. Как он слишком быстро пьет воду. Как его глаза... Боже, его глаза больше не смотрят на меня.

— Я рад, что тебе понравилось, — сухо бросает он, делая слишком большой глоток воды, и тут же закашливается.

— Ты в порядке? — мои руки слегка подрагивают.

— Устал немного.

Ложь. И я это вижу по его действиям. Как он ковыряет еду. Как нервно оглядывается по сторонам. Как избегает встречаться со мной взглядом.

Я пытаюсь шутить. Дети смеются. А он... Он словно не здесь.

Живая музыка наполняет зал. Пары выходят на импровизированную площадку, кружась в танце.

— Потанцуем? Вспомним молодость?

Я встаю первой. Протягиваю руку. Он медленно поднимается.

И тут...

— Папа! — детский голосок. Звонкий. Радостный. Он разрезает пространство так неожиданно, что я замираю. Оборачиваюсь.

Маленькая девочка в розовом платье, как у принцессы, бежит в нашу сторону. К нему. К моему мужу.

Мир замедляется.

Она вцепляется в его ноги, как крошечный крабик, и крепко сжимает. Дима бледнеет.

Я не понимаю, что происходит, пока не замечаю ее.

Лена. Моя Лена. Которая “уехала в Германию” почти четыре года назад. Которая “так занята”. Которая...

Стоит. Смотрит в мои глаза.

В животе ледяная пустота. В висках стук. Руки сами собой сжимаются в кулаки.

— Дима? — мой голос звучит чуждо.

Он открывает рот. Закрывает. Девочка смотрит на меня своими большими глазами.

— Папа, а кто эта тетя?

Такой простой вопрос, но мой мир разлетается на куски.

Книга участвует в литмобе: "Развод в 40. Кусай локти" <https://litnet.com/shrt/P89g>

Глава 2

Марина

Музыка в моей голове сливается в один сплошной гул. Она оглушает меня, давит на барабанные перепонки, заполняет собой весь мир. Я стою, и кажется, что пол подо мной раскалывается на тысячи острых осколков, но я не падаю. Не могу упасть. Не перед ними. Не сейчас.

Девочка смотрит на меня. Огромные, как у Димы, глаза, обрамленные темными ресницами, пухлые, по-детски невинные щеки. Его нос. Его ямочка на подбородке.

— Марина...

Дима делает шаг ко мне, и я чувствую, как от его дыхания, знакомого, родного, теперь веет чем-то чужим. Его пальцы дрожат, когда он тянется ко мне, но я отшатываюсь так резко, что спина больно ударяется о край соседнего столика.

За нашим столом теперь мертвая тишина. Аня застыла с вилкой в руке, ее губы приоткрыты, глаза расширены от шока. Артём уже вскочил, его пальцы сжаты в кулаки, сухожилия на шее напряжены, как струны.

— Пап, это что за хрень?! — его голос громовой, хриплый от ярости.

Лена стоит у входа, бледная, как бумага. Ее пальцы впиваются в край двери, будто она боится, что та упадет без ее поддержки. Или что если она ее отпустит, то не сможет больше стоять на месте. Ее губы шевелятся, но звука нет.

У меня во рту пересыхает. Горло сжимается так сильно, что каждый вдох дается с трудом.

— А у меня сегодня день рождения, — гордо выдает юное создание. — Мне исполнилось целых... целых..., — она долго думает, потом загибает пальцы и поднимает руку вверх. — Вот столько!

— Три года? — мой голос звучит чужим, разбитым. — Ты... ты врал мне три... нет четыре года?

Математика с детства давалась мне легко, но я и подумать не могла, что она пригодится мне в подобного рода подсчетах.

Дима не смотрит на меня. Его глаза прикованы к полу, будто там, в трещинах между плитками, он ищет ответ. Его пальцы теребят край пиджака, сминая ткань.

— Мама..., — Аня встает, ее рука тянется ко мне, но я резко отстраняюсь.

Нет. Не сейчас. Не при них. Не при ней.

Я хватаю сумку так сильно, что кожаный ремень впивается в ладонь.

— Я ухожу.

— Марина, подожди!

Дима хватается меня за запястье. Его пальцы горячие, влажные. Я вырываюсь так резко, что он спотыкается, едва не задев девочку.

— Не трогай меня. Никогда.

Дверь кафе хлопает за мной с таким грохотом, что звенит стекло.

Улица. Ночной воздух лезет в легкие, холодный, колючий. Я иду быстро, почти бегу, но ноги подкашиваются. Куда? Дом? Нет, этот дом больше не мой. К подруге? У меня больше нет подруг.

За спиной слышу быстрые шаги. Не его.

— Мама!

Артём догоняет меня и хватается за плечо. Его пальцы сжимаются так сильно, что больно, но я не отстраняюсь. Его лицо искажено гневом, но в глазах... в глазах боль.

А следом за ним Аня. Она бежит, спотыкаясь о выступы в брусчатке. Ее слезы текут по щекам, размазывая тушь.

— Мам... он не мог... это какая-то ошибка... Может, девочка в силу возраста спутала что-то. Ну, с кем не бывает? Назвала нашего отца своим папой, потому что он похож на ее отца, или...

Я качаю головой.

— Нет, дочка. Это не ошибка. У вашего отца, оказывается, есть другая.

— Мама, давай успокаивайся. Я вызвал такси. Мы сейчас с тобой едем домой и там обо всем поговорим. Я понимаю, как это выглядит, но может все же Аня права? — он говорит это, но в его голосе сомнение. Он не верит в собственные слова. Слишком глупо думать о подобном, когда она так похожа на моего мужа.

Такси. Мы молчим всю дорогу. Я смотрю в окно, но не вижу улиц, только размытые огни, как в плохом сне.

Дом. Наш дом. Был нашим.

Я захожу первой. Дима уже здесь. Он на своей машине и, конечно же, обогнал нас. Он стоит посреди гостиной, руки скрещены перед собой, будто готовится отчитать вернувшуюся с гулянки жену.

— Марина, я всё объясню, — бросает он, заметив нас в коридоре.

— Объяснишь? — мой смех звучит горько, как полынь. — Что именно? Как ты трахал мою лучшую подругу? Как ты подарил ей ребенка? Как ты..., — голос срывается.

Лена.

Мы дружили двадцать лет. Она держала мою руку, когда я рожала Аню. Она знала всё о моем браке.

И всё это время...

Я поворачиваюсь к Диме.

— Когда?

Он молчит. Опускает глаза в пол, как провинившийся школьник и молчит.

— КОГДА?! — я повторяю свой вопрос, и в моем голосе столько боли.

— После твоего выкидыша.

Воздух вырывается из легких. Пять лет назад. Я лежала в больнице, пустота в животе, пустота в душе. Я не знала, как жить дальше с этой болью на душе, пока он...

Пока он утешался с ней.

Ноги подкашиваются. Я падаю на диван, и пружины скрипят подо мной, как старые кости.

— Выходи.

— Что?

— Вон. Из моего дома.

Он не двигается.

— Марина, я...

— ВОН! — мой крик разрывает горло, эхом отражаясь от стен.

— Папа, мама права. Тебе сегодня, правда, лучше не оставаться здесь, — в привычно мирной манере тянет Аня, касаясь плеча отца.

Он уходит.

Дверь закрывается.

И только когда шаги затихают, я разрешаю себе заплакать.

Слезы текут горячие, соленые, как море боли, в котором я тону.

Визуализация героев

Добро пожаловать в мои новинку!

Приглашаю вас познакомиться с героями истории чуть ближе.

Наша героиня. Марина. Кто бы мог подумать, что весь ее мир может рухнуть от простого слова: "Папа"?

Муж Дмитрий.

Скоро будут и остальные персонажи истории, а пока поделитесь своим мнением о наших главных героях. Как они вам?

Глава 3

Марина

Ночь опустилась на город тяжелым бархатным покрывалом, но в моей спальне свет горит ярко, будто я боюсь тех мыслей, что притаились в темных углах. Я сижу на краю кровати, и пружины подо мной скрипят предательски громко. Этот звук всегда раздражал Диму.

Мои пальцы впиваются в шелковое покрывало, которое мы выбирали вместе в том бутике на Петровке. Каждая складка, каждый шов знакомы до боли.

Теперь здесь только я.

Одинокая.

Обманутая.

“После выкидыша...”

Эти слова жгут мозг, как раскаленный гвоздь.

В ванную иду, как на эшафот. Зеркало показывает мне чужое лицо. Размытая тушь создает эффект готического фильма ужасов, а опухшие веки делают глаза маленькими и беспомощными. Включаю воду, и холодные струи бьют по коже, как тысячи иголок. Хочется кричать, но горло сжато невидимым обручем.

За дверью раздаются осторожные шаги. Аня замирает на пороге, не решаясь войти, но я чувствую ее присутствие. Поднимаю глаза вверх, встречаясь с ее отражением в зеркале. Оно кажется призрачным. Те же черты, что и у меня, но без морщин, без предательства вокруг глаз.

— Мам... Папа звонил, — ее голос дрожит.

Мое тело напрягается. Я вытираю лицо полотенцем, оставляя на белоснежной ткани черные разводы.

— И что сказал?

— Он... Он просил передать, что любит нас. Что это не...

— Не что? Не измена? Не предательство? — я резко выключаю воду. — Он пять лет жил двойной жизнью, дочка! Пять чертовых лет!

— Мам, может, это недоразумение?

Мой смех режет тишину, как нож. Недоразумение.

— Пять лет двойной жизни. Четыре года как он узнал, что у него будет дочь. Три года крохотному созданию, которое называет его папой — недоразумение. Ребенок от лучшей подруги — недоразумение?

Аня вздрагивает, и я тут же жалею о резкости, но...

— А эта девочка..., — она шепчет. — Получается, что она же моя... сестра?

Слово “сестра” режет по живому. Без анестезии. Вскрывает мое сердце.

— Да.

— И что теперь?

Хороший вопрос.

Что теперь? Развод? Месть? Или...

Я поворачиваюсь и вижу в дверном проеме Артема. Его скулы резко очерчены в желтом свете ночника. Челюсть напряжена до боли. В его глазах бушует ураган, который я чувствую кожей. Этот мальчик готов разорвать отца голыми руками.

— Мама, мне надо поговорить с ним наедине, — его голос низкий, хриплый.

— Нет, сынок. Мы не будем опускаться до его уровня.

— Будем, мам. Еще как будем! Он поймет что натворил. Думаешь, эт встреча была случайной? Да либо он, либо эта его прош... Эта Ленка все подстроила!

Он резко разворачивается, с силой хлопая дверью в свою комнату. Аня тихо шаркая ногами следует его примеру.

Я остаюсь одна. Подхожу к шкафу. Дубовые дверцы скрипят, открывая ряды аккуратно развешанных рубашек. Каждая пахнет его одеколоном, каждую я гладила с любовью.

Беру голубую в тонкую полоску. Ту самую, в которой он делал мне предложение. Ткань мягко шелестит в моих пальцах.

Ножницы лежат на туалетном столике, холодные и тяжелые. Первый разрез проходит через грудной карман со странной легкостью. Шов расползается с тихим потрескиванием. Второй разрез — через рукав. Третий...

Я режу методично, почти медитативно, пока от рубашки не остаются лишь лоскуты, похожие на лепестки увядшего цветка. Затем следующая. И следующая.

Телефон звонит снова и снова. Я знаю, что это он. Знаю, что должен быть последний разговор, объяснение, крики... Но не сейчас. Сейчас я разрезаю нашу общую историю на куски. Стежок за стежком, пока мои пальцы не начинают дрожать от усталости, а на душе не появляется приятная легкость. Я отпускаю всю ту боль, что мой муж причинил мне своим поступком. Перечеркиваю наше прошлое.

За окном наступает рассвет. Первые лучи солнца играют на обрывках ткани, превращая их в странный арт-объект. Я опускаюсь на колени среди этого хаоса и вдруг понимаю — это не конец. Это начало.

Начало новой жизни.

Без него.

Глава 4

Марина

Стук в дверь раздается так неожиданно, что я вздрагиваю, смахнув чашку с остывшим чаем. Фарфор со звоном разбивается о пол, рассыпавшись коричневыми брызгами по светлому паркету. Сердце бешено колотится в груди и этот ритм уже стал привычным за последние сутки.

— Я же сказала — убирайся! — бросаю я в закрытую дверь, сжимая в руке ножницы, которые все еще не выпустила после ночного уничтожения его вещей.

Но стук повторяется. Настойчивый, но не агрессивный. Не так, как стучал бы Дима.

Я рывком распахиваю дверь. Передо мной возникает призрак прошлого. Лена. Моя Лена. Та самая, с которой мы делились всем: от первых месячных до страхов перед старением. Только теперь в ее руке маленькая ладошка той самой девочки.

— Зачем ты пришла? — мой голос звучит хрипло, будто пропущен через терновник. — Что еще ты хочешь мне сказать? Что все не так, как я подумала? Что это ошибка?

Она качает головой. Утренний свет, падающий из окна напротив, выхватывает морщинки у ее глаз. Новые, знакомые.

Лена стоит, слегка сгорбившись, будто невидимый груз давит ей на плечи. Ее пальцы нервно перебирают прядь волос. Старая привычка, которую я узнала бы из тысячи.

— Нет. Я пришла к тебе не для того, чтобы оправдываться.

Я вижу, как за моей спиной маячит фигура Ани. Моя дочь замирает в дверном проеме гостиной, в руках сжимая телефон. Ее глаза мечутся между мной, Леной и той... девочкой.

— Тогда зачем?! — вырывается у меня крик, от которого девочка пугливо прижимается к материнской ноге.

Лена игнорирует ее страх и осторожно подталкивает ребенка вперед.

— Чтобы ты посмотрела в глаза нашей с Димой дочери, — имя моего мужа больно режет слух.

Девочка поднимает на меня взгляд. Светлые глаза, точь-в-точь как у Ани в детстве. В них столько доверчивости, что у меня перехватывает дыхание.

— Посмотри на нее, Марина. Она растет без отца. Из-за тебя.

Горячая волна подкатывает к горлу.

Где-то за спиной раздался шорох. Это Аня сделала шаг вперед.

— А ты не думала об этом, когда ложилась в постель с женатым мужчиной? — шиплю я, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки.

Лена вздыхает. В ее глазах читается не раскаяние, а усталая решимость.

— Марина, так вышло.

— Тетя, моя мама не виновата! — вдруг говорит девочка тоненьким голоском, грозно показывая на меня пальцем. — Значит, это вы украли моего папу? Вы не отпускаете его к нам?

Я вздрагиваю. Девочка смотрит на меня с таким искренним недоумением, что на мгновение у меня перехватывает дыхание.

— Не прикрывайся ребенком, Лена, — я делаю шаг назад, чувствуя, как меня начинает трясти. — Ты украла у меня мужа. А теперь пришла, чтобы украсть и право на гнев?

Аня подходит ближе. Ее рука ложится на мое плечо. Она наблюдает за развернувшейся сценой с выражением, в котором смешались любопытство и ужас.

Лена замечает ее и неожиданно улыбается. Печально, по-старому, по-дружески.

— Привет, зайка.

Это старое ласковое прозвище звучит как пощечина. Аня вспыхивает какой-то детской радостью, но не отвечает. Ее пальцы нервно теребят край свитера — верный признак внутренней борьбы. Ее взгляд переходит с Лены на девочку, потом на меня.

— Мама..., — ее голос дрожит, — может, пусть... пусть зайдут?

Я резко оборачиваюсь, увидев в глазах дочери то, от чего все внутри холодеет. Это не просто любопытство, а... понимание? Сочувствие к ним?

Лена слабо улыбается Ане.

— Нет, — твердо обрываю я, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Никогда.

Лена кивает, будто ожидала этого ответа. Она наклоняется к дочери.

— Пойдем, солнышко. Придем в другой раз. Тетя пока не готова к конструктивному диалогу.

Они поворачиваются, чтобы уйти, но девочка оглядывается и вдруг говорит:

— Тетя, а когда придет мой папа?

В этих словах столько наивной уверенности, что у меня подкашиваются ноги. Я хватаюсь за косяк, понимая вдруг страшную правду: для этой малышки Дима не предатель. Не лгун. Просто папа, которого она любит.

Дверь закрывается.

Аня осторожно касается моего плеча.

— Мама, ты в порядке?

— Да, — лгу я в первую очередь самой себе.

— Мама... она такая маленькая. Моя сестра... она же правда не виновата..., — шепчет она, и в ее глазах читается мучительное противоречие.

Я молчу. Потому что только что поняла страшную вещь. Эта горькая правда расколола не только мой брак. Она расколола мою дочь.

Я поднимаю глаза. У дочери влажные ресницы, дрожащие губы. В руке зажат телефон так твердо, что пальцы побелели. Она говорит с усилием, и каждое ее слово продирается через комок в горле.

— Она же... совсем маленькая...

Я отворачиваюсь. Не могу. Не хочу. Не сейчас.

— Мама, ты слышала, что она сказала? Что ты “украла ее папу”. Она не знает... Она же думает, что всё по-честному, — продолжает давить Аня, разрывая мою душу на куски.

Я сжимаю зубы. Голос Ани колет мне в уши. Она права, и от этого ещё больнее.

— Она не понимает, что происходит, — продолжает Аня, уже почти шепотом. — И... она так похожа на меня, когда я была в ее возрасте. Я себя в ней увидела, понимаешь? Так глупо... Она моя... маленькая сестра.

Слово “сестра” падает между нами, как камень в воду. Волны от него расходятся в груди, и ударяют в самое сердце.

Глава 5

Марина

Звук лифта за дверью заставляет нас с Аней вздрогнуть одновременно. Я вижу, как у дочери расширяются зрачки. В них мелькает надежда, которую она тут же пытается скрыть, прикусив губу.

— Это... это, наверное, папа, — шепчет она, бросая тревожный взгляд на входную дверь.

Мое сердце бешено ускоряется в груди. Каждая клетка тела кричит, чтобы я захлопнула дверь на замок, не дала ему войти. Но ноги будто приросли к паркету, впившись в него босыми ступнями.

Звяканье ключей. Щелчок замка. Дверь медленно открывается, и в проеме возникает он. Мой муж теперь словно совершенно чужой человек. Его взгляд сразу находит меня, потом переходит на Аню, на осколки чашки у моих ног.

— Вы... К вам приходила Лена? — его голос звучит неестественно глухо.

Аня делает шаг вперед, но я резко перехватываю ее за запястье.

— Не смей! — шиплю я, чувствуя, как дрожь передается от моих пальцев к ее руке.

— Пап..., — дочь все же вырывает руку и бросается к нему, но останавливается в двух шагах, словно вспомнив, почему мы оказались в этой ситуации. — Ты... ты правда папа той девочки?

Дима бледнеет. Его кадык нервно опускается вниз. Пальцы сжимают ручку новенького чемодана, который я не сразу заметила.

— Аня, это сложно...

— Ответь ей, — мой голос звучит спокойно, но все равно разрывает напряженную тишину. — Хотя бы раз в жизни скажи правду!

Он опускает глаза. Мнется пару секунда, а потом выдает:

— Да. Это была Маша — моя дочь.

Аня отшатывается, будто ее ударили. Я вижу, как по ее щекам катятся слезы, но в этот момент меня переполняет не ярость, а странное, почти хирургическое спокойствие.

— Зачем ты пришел? — спрашиваю ровным голосом, который кажется мне чужим. — Разве тебя там не заждались?

Дима выставляет чемодан вперед.

— Я... пришел за своими вещами на первое время. И... Марина, нам нужно поговорить. Я не хочу, чтобы между нами все заканчивалось именно так.

— О чем говорить, Дима? — мой смех звучит неестественно звонко. — О том, как ты пять лет обманывал меня? Или о том, что теперь хочешь играть в счастливого отца для своей незаконнорожденной дочери?

Аня всхлипывает, скидывая руки вверх.

— Папа!

Дима делает шаг ко мне, но я резко поднимаю руку. Он смотрит на дочь, но она не говорит ни слова.

— Дима, не подходи. Ты больше не имеешь права ко мне прикасаться.

Он замирает. В его глазах читается что-то новое. Может, осознание того, что на этот раз он зашел слишком далеко.

— Марина, я...

— Забирай свои вещи и уходи, — перебиваю я, поворачиваясь к окну.

За стеклом начинается дождь. Крупные капли с глухим звуком ударяются о стекла. Я слышу, как Дима проходит в квартиру. Как тяжело вздыхает в комнате. Как его вещи летят в чемодан. Потом шелест колесиков от чемодана по паркету.

— Марина, это временная мера. Я не уйду совсем. Я лишь даю тебе время немного успокоиться. Позже я вернусь и надеюсь, что мы сможем нормально поговорить.

Его голос пустой, безжизненный, но я не оборачиваюсь. Во мне нет столько сил, чтобы смотреть в его глаза, после того, как я видела точно такой же взгляд у его малышки.

За его спиной захлопывается дверь. Аня начинает рыдать у меня на плече. Я обнимаю ее, чувствуя, как слезы пропитывают мой халат.

— Мама, что теперь будет? — всхлипывает она.

Я глажу ее волосы, глядя на дождь за окном.

— Теперь, дочка, мы будем учиться жить по-новому.

Но в голове уже крутится одна мысль.

Лена пришла сегодня не просто так. Это была только первая атака. Война только начинается.

Визуализация героев. Часть 2

Наши новые герои!

Маша. Невинная девочка, которая свято верит в то, что ее папу украла "злая" тетя.

Аня. 18лет. Дочь нашей героини. Вроде взрослая, но еще такая наивная.

Глава 6

Марина

Я лежу в нашей кровати. Вернее в моей кровати... теперь в моей, и прислушиваюсь к тишине. Она другая. Глубже. Пустее. Раньше я слышала его дыхание, иногда храп, когда он слишком уставал. Теперь только тиканье часов в коридоре.

Аня не спит. Я знаю это, потому что слышу, как скрипит ее кровать за стеной. Она ворочается уже третий час. Артем уехал к другу, сказав, что не может находиться здесь, где каждый уголок напоминает о предателе и его требуется немного времени, чтобы успокоиться.

Я закрываю глаза, но перед ними сразу всплывает та девочка. Ее глаза. Его глаза.

“А когда придет мой папа?”

Я резко переворачиваюсь на другой бок. Это не просто предательство. Это удар в самое сердце.

Утро встречает меня серым светом за окном. Опять дождь. Как клише из очередного романа.

На кухне шуршит Аня. Она сидит, обхватив кружку с чаем одной рукой, а второй разворачивает шоколадку и смотрит в одну точку.

— Хочешь яичницу? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал нормально, пока руки на автоматизме наливают себе чай.

Она молчит. Потом поднимает на меня глаза.

— Мам... а если папа... если он правда хочет быть отцом той девочки? Она же его дочь... Если он решит уйти к ним и сделать их своей официальной семьей?

Кружка выскальзывает у меня из рук и со звоном разбивается. Опять. Уже вторая за последнее время.

— Ты серьезно это сейчас говоришь?

Аня вздрагивает, но не отводит взгляд.

— Я просто... она же ни в чем не виновата.

Я медленно опускаюсь на стул напротив нее.

— Она не виновата, но и я не виновата, Ань. Ты. Артем. Никто из нас не виноват в том, что случилось... кроме твоего отца.

— Не виноваты! Но..., — она мнется, — может, вам с папой просто... поговорить?

Я сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, оставляя полумесяцы на коже.

— О чем, дочь? О том, как он пять лет врал нам всем? О том, что моя лучшая подруга родила от него ребенка, когда клялась, что вынуждена уехать за границу, а по факту просто жила своей жизнью?

Аня вдруг резко встает.

— А ты подумала, что чувствую я? Это мой отец! И я не знаю, ненавижу мне его или... Он столько лет всегда был рядом с нами, а теперь... он просто ушел. Забрал вещи и ушел! — кричит она, и в ее голосе столько боли. — Я пойду к себе, — резко бросает она и выходит. Хлопок двери в ее комнату и все стихает.

Я остаюсь одна среди осколков своей прежней жизни. Кружка на полу разлетелась на части прямо как мое сердце. Мгновение и от него не осталось ничего целого.

Телефон вибрирует. Сообщение.

От Димы.

“Марина, нам нужно встретиться. Поговорить. Ради детей.”

Я смотрю на эти строки, пока они не расплываются перед глазами.

Потом печатаю ответ:

“Наших детей? Или твоей новой дочери?”

Отправляю.

И тут же получаю ответ:

“Прости.”

Одно слово, и оно разбивает меня вдребезги. Я роняю телефон на стол и вдруг замечаю, что дрожу. Нет. Не просто дрожу. Я плачу. Слезы текут горячие, соленые, бесконечные.

Я думала, что во мне не осталось ничего, кроме злости. Но оказалось, где-то там, глубоко в груди, еще живет та Марина, которая его любила. И эта Марина сейчас умирает. А новая... та, что останется после всего этого еще не родилась.

Телефон вибрирует снова. Я не смотрю. Не сейчас.

Сейчас я просто сижу на кухне, смотрю на дождь за окном и понимаю одну простую вещь.

Выжить после предательства — это не значит простить. Это значит — научиться дышать с этой болью. По одной минуте. По одному дню. Пока она не станет просто фоновым шумом жизни.

Глава 7

Марина

Дождь стучит по подоконнику моей спальни ровно с того момента, как я проснулась. Непрерывный, монотонный, будто сама природа решила подчеркнуть мое состояние. Я лежу, прислушиваясь к его ритму, и замечаю, как капли оставляют на стекле причудливые дорожки, сливаясь в прозрачные ручейки. Точно такие же мокрые следы тянутся по моим щекам, хотя я и не помню, когда начала плакать.

На тумбочке тикают часы — подарок Димы на двадцатилетие свадьбы. Стрелки показывают десять утра, но в квартире царит странная, гнетущая тишина выходного дня, которого никто не ждал.

Я переворачиваюсь и натыкаюсь на его подушку. Она до сих пор сохраняет едва уловимый аромат его шампуня. Неосознанно прижимаю ее к лицу, вдыхая этот знакомый запах, и тут же с отвращением отшвыриваю в другой конец кровати.

Коридор встречает меня холодом. Я иду босиком, и паркет под ступнями ледяной.

— Ань, — я стучу в ее комнату.

— Входи, — тихо отзывается она.

Я вхожу. Аня сидит на кровати, укутавшись в мой старый клетчатый плед, и щурится от света лампы, которую забыла выключить с вечера. Перед ней на тумбочке дымится кружка. Не кофе, как я подумала, а какао, как в детстве, когда она болела.

— Ты что, простудилась? — мой голос звучит хрипло от неиспользования.

Она пожимает плечами, не отрывая взгляда от телефона. Я замечаю, что она снова смотрит их старые фото с отцом. Знаю по тому особенному жесту, когда она прикусывает нижнюю губу.

Папина дочка. Всегда. Даже сейчас, когда в моей жизни творится что-то несусветное.

Я сажусь рядом с ней, чувствуя, как кровать прогибается под моим весом.

— Мам..., — Аня внезапно поднимает глаза. — Папа сегодня ночью написал мне.

В горле все сжимается, но я нахожу в себе силы, чтобы ответить.

— И что он сказал? — спрашиваю как можно спокойнее, сжимая в руках уголок ее пледа.

Аня вертит телефон в руках, и я вижу, как ее ноготь, обкусанный, с остатками вчерашнего лака, нервно постукивает по экрану.

— Он... Он хочет встретиться. Говорит, что все объяснит. Он не хочет, чтобы мы на него злились. Может, он правда любит нас? Все еще. Несмотря на то что...

В груди все леденеет от этих слов. Он хочет встретиться. Объяснить, будто мало было тех объяснений, которые ласково называли его: “Папа”.

— А ты хочешь? — меняю тему, понимая, что не выдержу ее дальнейших оправданий для отца.

Она молчит так долго, что я уже не надеюсь услышать ответ на свой вопрос. Но потом замечаю, как по ее щеке скатывается слеза и падает прямо в кружку с какао.

— Не знаю.

Я придвигаюсь ближе, обнимаю ее за плечи и чувствую, как она вся дрожит, как перегретый моторчик. Мой ребенок. Мой взрослый, но такой беззащитный ребенок.

— Решай сама. Ты уже не маленькая, чтобы я тебе говорила, как правильно поступать, — шепчу я, целуя ее в макушку, которая все еще пахнет тем детским шампунем, который она упорно продолжает покупать. — Я не буду тебя останавливать.

Телефон в ее руке вибрирует. Мы обе невольно вздрагиваем.

— Это он?

Аня разблокирует экран, и я вижу, как ее лицо меняется.

— Нет... Это Артем. Пишет, что скоро приедет, — она делает паузу. — И что... что если папа появится, он разобьет ему лицо.

Я хочу засмеяться, но вместо этого чувствую, как по спине бегут мурашки. Мой мальчик. Мой защитник.

— Скажи ему, что не надо, — говорю я, но Аня уже набирает ответ. — Не стоит марать свои руки.

Хотя может, это и было бы полезным, чтобы он осознал свой поступок.

— Пишу, что он уже совершеннолетний, и за это ему может грозить уголовная ответственность, — бормочет она под нос и впервые за эти дни в ее голосе слышится что-то похожее на прежнюю, озорную Аню.

Дождь за окном усиливается. Я подхожу к окну и вижу, как по пустынной улице идет женщина с зонтом. Ярко-красным пятном на фоне серого дня. Она что-то несет в руках, возможно, пирог или цветы. Кто-то ждет ее дома. Кто-то, для кого этот день — праздник.

Я закрываю глаза и вдруг осознаю, что мне некуда спешить. Никто не ждет.

Но когда я открываю их снова, Аня уже стоит рядом и молча протягивает мне кружку.

— Пей, а то остынет.

И в этом простом жесте вся моя новая правда.

Глава 8

Марина

Дождь превратился в настоящий ливень к тому моменту, когда раздается звонок в дверь. Я сижу на кухне, обхватив ладонями теплую кружку, будто это единственный источник тепла во всем доме. Аня метнулась в прихожую, но я опередила ее, резко встав со стула.

— Это Артем, — говорю я больше для себя, чем для дочери.

Дверь распахивается, и передо мной возникает мой сын. Мокрый с головы до ног, с каплями дождя на ресницах и темными кругами под глазами. В одной руке он держит рюкзак, а в другой смятый пакет с чем-то круглым.

— Входи, — я отступаю в сторону, пропуская его вперед.

Артем переступает порог и сразу же бросает рюкзак на пол с таким грохотом, будто в нем лежат камни.

— Где он? — спрашивает он резко, вытирая мокрые ладони о джинсы.

— Кто?

— Отец.

Аня замирает у двери в гостиную, ее пальцы нервно теребят край свитера.

— Его нет дома, — отвечаю спокойно. — И, скорее всего, не будет.

Артем резко выдыхает. Его плечи опускаются, будто из него выпустили весь воздух.

— Я принес пирог, — бормочет он, протягивая мне мокрый пакет. — Бабушка испекла.

Я беру в руки пакет, почувствовав сквозь бумагу тепло. Его бабушка. Моя свекровь. Теперь для меня просто Людмила Сергеевна.

— Спасибо, — хрипло вырывается у меня. — Она..., — уже готовлюсь к новой встряске, но Артем меня быстро успокаивает.

— Пока не знает. Я не стал ей говорить. Не хочу выносить сор из избы. Тем более, это по большей части ваши взаимоотношения. Думаю, ты сама скажешь ей, когда будешь готова.

Если она еще действительно ничего не знает, — эхом проносится в сознании.

Артем снимает мокрую куртку и вешает ее на вешалку, где еще висит старый плащ Димы. Он смотрит на него, сжимает кулаки, но ничего не говорит.

— Ты промок, — замечает Аня, оживая, но все еще дрожа от напряжения. — Переоденься.

Он кивает и направляется в свою комнату, но останавливается на пороге, обернувшись ко мне.

— Мам..., — его голос надламывается. — Мы что-нибудь будем делать?

Я смотрю на него. На моего мальчика, который вдруг стал взрослым за эти несколько дней.

— Аня права. Тебе стоит переодеться, — тихо говорю я, указывая на его внешний вид. — А потом мы поговорим.

Артем кивает, быстро переодевается и заходит ко мне на кухню. Его пальцы барабают по столу в нервном ритме. Аня садится рядом, положив голову на руки.

— Во-первых, я не хочу, чтобы ты дрался, — начинаю я.

— Он заслужил, — шипит Артем сквозь сжатые зубы.

— Может, и заслужил. Но ты не опустишься до его уровня.

Артем сжимает кулаки и я вижу как его глаза блестят от ярости.

— А что ты предлагаешь делать? Оставить все так как есть? У него вторая семья, мама!

Я вздыхаю, разворачивая пакет с пирогом. Пахнет яблоками и корицей. Прямо как в молодости.

— Нет, не оставим. Но мы сделаем это правильно.

— Как? — спрашивает Аня, поднимая голову.

Я смотрю на них. На своих детей, которые ждут от меня ответа, решения, как будто я могу одним словом исправить все, что сломалось.

— Сначала мы поговорим с юристом. Потом решим, как жить дальше. Вместе.

Артем опускает глаза, его пальцы разжимаются.

— А он? — тихо спрашивает Аня, словно боясь задавать этот вопрос.

— Этот урод уже сделал все, что мог, — рычит Артем.

— Ань, Артём прав. Ваш отец сделал свой выбор, — мягко говорю я, чувствуя, как внутри меня что-то рассыпается на части. — Теперь мы делаем наш.

На кухне воцаряется тишина, нарушаемая только стуком дождя по стеклу.

— Мам..., — Артем вдруг поднимает на меня глаза. — Я с тобой.

Аня кивает, ее рука тянется к моей. Я беру их руки в свои. Теплые, живые, родные.

— Тогда все будет хорошо, — шепчу я, хотя сама в это не верю.

Но для них я попробую.

Вот только взгляд Ани меня смущает все больше. Она всегда была папиной дочкой, и я боюсь, что это будет один из самых сложных периодов в ее жизни.

Глава 9

Марина

Три дня.

Прошло ровно столько времени, чтобы я перестала плакать и взяла себя в руки. Дети обещали остаться со мной еще как минимум на месяц, пока нет необходимости находиться в университете. И эта информация все еще помогает мне держаться на плаву.

Кухня наполнена мягким утренним светом, который льется через полупрозрачные занавески, рисуя на столе теплые золотистые квадраты. Я сижу, разбирая счета за квартиру, и вдруг замечаю, как пальцы Ани нервно скользят по экрану ее телефона.

Ее ноготь методично постукивает по стеклу, издавая тихий, назойливый звук, словно она находится в задумчивости.

Я поднимаю взгляд и замираю.

На экране фотография, от которой у меня перехватывает дыхание. Маленькая Аня, трех лет, с пухлыми щечками и растрепанными косичками, сидит на плечах у Димы. Его руки крепко держат ее за ножки, а она, смеясь, вцепилась в его волосы. Солнце светит им в лицо, и в его глазах та самая нежность, которую я помню, но теперь уже не верю.

— Что это? — спрашиваю я без осуждения, но мой голос звучит хрипло, будто я только что проснулась.

Аня вздрагивает, словно пойманная на краже, и быстро переворачивает телефон экраном вниз.

— Ничего такого, мам. Просто... нашла в облаке.

Но я уже увидела. Видела, как ее губы дрогнули в слабой улыбке, когда она смотрела на снимок. Как ее глаза стали мягче, теплее.

— Мам..., — она вдруг поднимает на меня взгляд, и в ее глазах читается что-то новое, что-то, от чего у меня сжимается живот. — Я хочу встретиться с Леной.

Ложка, которой я помешиваю чай, выскальзывает из пальцев и падает на кафельный пол с пронзительным звоном. Капля чая падает на квитанцию, оставляя коричневый след на белоснежной бумаге.

— Ты с ума сошла?

Аня сжимает губы так сильно, что они белеют. Ее пальцы впиваются в край стола, суставы выступают белыми бугорками.

— Мам, эта малышка... она дочь отца. Ты же понимаешь это?

Я кладу ладони на стол, чувствуя, как холодная поверхность впицается в кожу. Как будто я пытаюсь удержаться, чтобы не упасть.

— Понимаю. Но он вел двойную жизнь, Ань. Как бы ты его не любила, но он... предал нас. Тебя в том числе. Ты разве не понимаешь этого?

— Мама, она моя сестра! — Аня резко вскакивает, ее стул с грохотом опрокидывается назад. — Разве ты не видишь? Я не могу просто... вычеркнуть его из своей жизни! Он мой отец. Это все непросто. Я не знаю, что произошло и почему папа решил на такой отчаянный шаг и начал... встречаться с Леной, но малышка. Она не виновата. Она просто любит моего отца и хочет, чтобы он больше времени проводил вместе с ними. А он... мам, он просто оступился.

Оступился...

Я смотрю на свою дочь. Ее глаза блестят, щеки пылают, а в голосе звучит та самая интонация, которая была у нее в детстве, когда она умоляла оставить найденного на улице щенка. Но теперь это не щенок. Это ребенок. Его ребенок.

— Аня..., — я медленно поднимаюсь, чувствуя, как колени дрожат под собственным весом. — Ты понимаешь, что своими словами можешь сделать мне больно?

Она замирает, и в ее глазах мелькает что-то похожее на вину. Но не раскаяние. Ни капли.
— А мне разве не больно? — шепчет она, и ее голос дрожит. — Это мой отец. И моя...
Она не договаривает, но я слышу невысказанное.

Моя сестра.

Я отворачиваюсь к окну, где утренний свет теперь кажется слишком ярким, слишком жестоким. За стеклом — наш двор, где Аня училась кататься на велосипеде, где Дима ставил мангал каждое лето. Где когда-то была наша жизнь.

— Если ты решила... что готова встретиться с ними..., — мой голос звучит чужим, будто доносится из другого конца туннеля. — Я не могу тебя остановить. И не буду этого делать.

Аня молчит. Потом я слышу, как она поднимает стул. Как его ножки скребут по полу. Как ее быстрые и нервные шаги удаляются по коридору. Как захлопывается дверь в ее комнату.

Я остаюсь одна.

С фотографией из телефона, которая теперь живет в голове.

С дочерью, которая вдруг стала мне почти чужой.

И с осознанием, что битва, которую я думала вести с Димой и Леной, только что перекинулась через порог моего дома.

Я беру чашку, но чай в ней уже давно остыл.

Как и многое другое.

Как и я.

Глава 10

Марина

Входная дверь за Аней захлопывается с таким глухим звуком, будто за ней на тысячи осколков разбивается мое сердце. Я стою, прижав ладони к холодной столешнице, и чувствую, как ее шероховатая поверхность впивается в кожу. В ушах звенит тишина. Та особенная, густая тишина, которая наступает после взрыва.

Артем выскакивает из комнаты, как снаряд. Его волосы такие же темные и непослушные, как у отца, торчат в разные стороны. Глаза дикие.

— Куда она собралась? — он хрипит, и в его голосе слышится что-то новое, то чего не было раньше. Это не детская обида, а взрослая, мужская ярость.

Я медленно провожу языком по пересохшим губам.

— Не знаю. Может... к отцу.

— Она че, больная на всю голову?! — он хватается телефон со стола так резко, что опрокидывает сахарницу.

Я наблюдаю, как его длинные, музыкальные пальцы, точь-в-точь как у Димы, дрожат над экраном.

Во мне борются два чувства: материнское желание остановить его и странное облегчение, что кто-то еще испытывает такую же боль.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, хотя прекрасно знаю ответ.

— Звоню ей, что же еще! — он бросает на меня взгляд, полный немого укора: “Как ты можешь быть такой спокойной?” — Она вообще в своем уме?

Я накрываю его руку своей ладонью, замечая, что его кожа горячая и влажная от волнения.

— Дай ей самой решать. Она понимает что делает. Как бы я не хотела защитить ее, списав все на возраст, но она не ребенок. Она осознает то, что творит.

— Мам, не шути так! — он вырывается с такой силой, что мне больно. Его зрачки расширены, ноздри раздуваются, как у настоящего хищника перед атакой. — Алло! — кричит он в трубку, голосом полным ярости. — Ты куда намылилась, идиотка? — я вижу, как его глотка двигается, когда он напрягает связки. Как от напряжения выступают венки в области виска.

Пауза. Его лицо меняется. Сначала недоумение, потом оскорбление, наконец, чистая ярость.

— Че? Сестра?! Ты совсем больная?! Да ты... Да он..., — он задыхается от ярости.

Я вижу, как его шея краснеет. Мое сердце делает странный кульбит. Где-то глубоко, под грудной клеткой, возникает острая боль, будто кто-то вонзил лезвие между ребер и осторожно повернул его.

Артем бросает телефон на стул, где он подпрыгивает и замирает, как раненый зверек.

— Она поехала к ним. К отцу. К этой... девочке.

В его глазах я читаю не просто гнев. Я вижу предательство. Такое же, какое, должно быть, светится сейчас в моих глазах.

Я подхожу к окну. За стеклом наш двор, залитый желтым светом фонарей. Где-то там, в этом городе, моя дочь едет к людям, которые разорвали нашу семью на части. Моя Анечка, которая в пять лет боялась отпускать мою руку на детской площадке. Которая в двенадцать плакала, когда я задерживалась на работе. Которая сейчас...

Телефон на стуле вибрирует, подсвечивая сиденье голубым светом. Мы оба замираем, как в плохом триллере перед кульминацией.

Артем первым подходит, берет аппарат. Я вижу, как его лицо становится каменным, как скулы резко выступают под кожей.

— Что? — спрашиваю я, хотя инстинктивно отшатываюсь.

Он медленно поворачивает экран.

Отец.

“Аня приехала ко мне. Не теряйте.”

Артем хватается за куртку:

— Я найду ее.

— Нет, — мой голос звучит тихо, но так, что он замирает. — Она сделала свой выбор, Артем.

— Мам, даже не надейся, что я это так оставлю! Я вправлю ей мозги, чтобы она начала различать берега, — рычит Артем и дверь за его спиной тут же закрывается.

Глава 11

Марина

Холодильник гудит на кухне, словно жалуясь на свою пустоту. Я стою перед ним босиком, и холодный воздух обжигает кожу лица. Полки почти пусты. Только полпачки сливочного масла с пожелтевшим краем, три яйца в прозрачном контейнере и бутылка кефира, срок годности которого истек вчера.

— Черт, — шепчу я, захлопывая дверцу с таким усилием, что стеклянные банки на верхней полке звякают в ответ.

В доме неестественно тихо. Артем все еще не вернулся после того, как вчера рванул за сестрой. Аня... Она так и не ночевала дома. Впервые за восемнадцать лет она ушла, так что до сих пор ничего не сказала.

Даже когда я отправляла ее в университет в другом городе, мне не было так тяжело, как сейчас. Мой взгляд падает на ее любимую кружку с кошками. Она стоит чистая, перевернутая на сушилке. Как символ чего-то безвозвратного.

Я натягиваю первую попавшуюся футболку, джинсы, старую джинсовку, которую собиралась убрать еще в начале лета, но так и не убрала. Ткань пахнет одеколоном Димы, этим дорогим древесным ароматом, который я выбирала ему на прошлый день рождения. Скорее всего, всему виной, его рядом висящая куртка. Неосознанно прижимаю воротник к лицу, вдыхая этот запах, а потом резко отдергиваю руку, будто обожглась.

Утро сегодня хмурое. Воздух после ночного дождя влажный и тяжелый. Я иду, опустив голову и разглядывая трещины на асфальте. Они похожи на карту наших сломанных отношений.

— Марина.

Голос за спиной заставляет меня замереть. Он звучит так знакомо, так по-домашнему, что на мгновение я забываю обо всем.

Всего мгновение, после которого я возвращаюсь в реальность. Суровую и разбитую на миллионы осколков реальность.

Оборачиваюсь.

Дима стоит в трех шагах. В том самом синем свитере, который я вязала ему две зимы назад. Он выглядит уставшим. Небритые щеки, темные круги под глазами. Но при этом... ухоженным. Чистый ворот рубашки, выглядывающий из-под свитера, аккуратно подстриженные волосы. Он как будто специально готовился к этой встрече.

— Нам надо поговорить, — говорит он, делая шаг вперед. В его голосе та самая мягкая интонация, которой он всегда меня уговаривал, когда я злилась.

Я автоматически отступаю назад, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

— Я не собираюсь с тобой разводиться, — заявляет он, как будто делает мне одолжение.

В груди что-то закипает. Горячее, густое, неконтролируемое.

— Не собираешься разводиться? — повторяю я, словно если это прозвучит из моих уст, то эти слова обретут смысл. — А ты меня спросил? — мой голос звучит чужим, слишком высоким, срывающимся на фальцет.

Дима делает раздраженное движение рукой, как будто отмахивается от назойливой мухи.

— Марин, все же нормально, — он произносит это так убедительно, что на секунду я почти готова поверить. — Если бы не это недоразумение, ты ничего бы не узнала. Все могло бы продолжаться как прежде. Лена ни на что не претендует. Машуля видит отца. В этой ситуации все в выигрыше. Ничего не нужно менять.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Его слова звучат так... обыденно. Как будто речь идет о разбитой чашке, а не о пяти годах лжи.

Еще и это простое “Машуля”. Так нежно, заботливо, по-отцовски. Все, как и должно быть в нормальных семьях между отцом и дочерью.

Вот только его дочь была рождена, когда он все еще спал со мной в одной кровати. Касался меня. Целовал. А потом шёл к Лене и делал все то же самое. Тошнота подступает к горлу. Как же это омерзительно.

— Недоразумение? Лена не претендует? Твоя дочь видит отца? — повторяю я медленно, сжимая сумку так, что пальцы начинают неметь. — Звучит как будто ты и правда веришь в то, что все хорошо.

— Марина, — он делает шаг в мою сторону, но я выставляю руку вперед, останавливая его попытку приблизиться.

— Ты сейчас называешь своего ребенка недоразумением?

Он вздыхает, проводит рукой по лицу. Этот жест когда-то казался мне таким милым.

— Это же глупо, — говорит он, и в его голосе появляются те самые нотки, которые всегда меня смягчали. — Мы столько лет вместе. У нас прекрасные дети, общий дом, воспоминания. Я не хочу ничего менять.

В его глазах читается искреннее недоумение. Он действительно верит в то, что говорит. Для него это просто небольшая помеха на пути к счастливой жизни. Маленькая, трехлетняя проблема с его глазами.

Мимо проезжает грузовик, громыхая пустыми ящиками. Ветер поднимает с асфальта обертку от шоколадки и кружит ее у наших ног.

— Ты разбил нашу семью, — говорю я тихо, чувствуя, как в горле встает ком. — Ты предал меня, когда лег в кровать с моей лучшей подругой. И теперь приходишь ко мне с такими словами?

Дима в два шага сокращает расстояние между нами. Хватает меня за руку. Его пальцы горячие и влажные, как всегда, когда он нервничает.

— Я исправлюсь, — говорит он, и в его голосе звучит та самая решимость, которая когда-то заставила меня влюбиться. — Давай просто... продолжим как было. Я буду приходить домой вовремя, мы снова будем ходить в наш ресторан по субботам. Все будет как прежде.

Я смотрю на его руку, сжимающую мое запястье, и чувствую, как во мне что-то ломается. Это не боль. Это что-то другое. Что-то холодное, окончательное.

— Как было? — я медленно высвобождаю руку, чувствуя, как его пальцы сначала сжимаются сильнее, а потом разжимаются. — Ты хочешь, чтобы я закрыла глаза? Чтобы улыбалась тебе за завтраком? Звонила Лене советоваться о платьях, целовала тебя на ночь, зная, что завтра ты пойдешь к ней? Что завтра ты вернешься к вашему ребенку?

Он молчит. Ветер треплет его аккуратно уложенные волосы.

— Знаешь что? — говорю я, чувствуя, как в груди разливается странное спокойствие. — Иди к своей Лене. К своей новой семье. Расти свою дочь. А ко мне больше не подходи. У нас совершеннолетние дети. Они самостоятельные. Учатся далеко отсюда. А я справлюсь и без тебя.

— Марина, прошу. Дай мне шанс все исправить. Я решу эту проблему.

— Сейчас твои слова не то что пустой звук, Дима. Ты ведешь себя как самый настоящий эгоист. Ты предлагаешь мне закрыть глаза на то, что твой ребенок сейчас сидит без отца. Ты говоришь, что все исправишь. Как боюсь спросить? Отмотаешь время назад?

Он молчит. Сжимает губы в тонкую линию. Смотрит под ноги.

Мне больше нечего ему сказать. Точно так же, как и ему. Наш разговор исчерпан, и поэтому я разворачиваюсь и ухожу, не оглядываясь.

В спину бьет холодный ветер. Я иду мимо магазина, мимо детской площадки, где когда-то качала наших детей, мимо скамейки, на которой мы целовались в первый раз.

Ноги сами несут меня к реке. Я сажусь на мокрую после дождя скамейку и смотрю, как серые волны бьются о бетонную набережную.

Где-то там, за горизонтом, должно быть, светит солнце. Но сейчас его не видно.

И я не знаю, когда оно появится снова.

 ♥#Мои прекрасные!♥#
 Приглашаю вас в свою новинку:
 <https://litnet.com/shrt/PnSu>

— Диагноз подтвердился. У нашего сына обычная аллергия.
 Я знаю этот голос. Максим. Мой муж и сейчас он говорит не со мной, а с сестрой моей лучшей подруги.
 — Что значит... у НАШЕГО сына? — переспрашиваю, привлекая его внимание.

 Пятнадцать лет брака. Двое детей. А у него вторая семья и маленький ребенок.
 И я узнаю об этом вот так. Случайно. В коридоре клиники.
 Когда уже слишком поздно.

Визуализация героев. Часть 3

Продолжаем знакомство с героями!))

Артем. 19 лет.

Лена. "Подруга" нашей героини.

Глава 12

Марина

Пакеты с продуктами тяжело стучат по бедрам, когда я поднимаюсь по лестнице. Пальцы немеют от натянутых ручек, но эта боль кажется такой далекой, такой незначительной.

Ключ в замке поворачивается с привычным щелчком. Я захожу в квартиру, и запах стирального порошка, который я всегда использовала, бьет в нос. Такой знакомый, такой домашний. Как будто ничего не изменилось.

Все мои действия после встречи с Димой какие-то... автоматические. Развязываю пакеты, раскладываю продукты по полкам. Молоко в холодильник, хлеб в хлебницу, яйца аккуратно в контейнер. Руки сами знают, куда что положить.

Достаю сковороду. Ту самую чугунную, которую мы купили на первую годовщину. Наливаю масло, жду, пока оно нагреется. Разбиваю яйца. Желтки остаются целыми, идеально круглыми, как солнце на детских рисунках.

Дверь хлопает. Из прихожей доносятся тяжелые шаги.

— Мам, — голос Артема звучит из коридора, пока он раздевается.

— Я на кухне, — отвечаю, как и всегда.

— Слушай, это какой-то..., — он замолкает, когда я оборачиваюсь к нему с лопаткой в руках. — Ты в порядке? — голос Артема сразу становится мягким.

— В полном, — улыбка трогает мои губы, но выходит не очень, и я это вижу по его лицу, в мгновение ставшее по-мужски серьезным.

Я отворачиваюсь, чтобы не смущать его своим видом, и переворачиваю яичницу.

— Садись, сейчас будет готово.

— Мам..., — он подходит ближе, и я чувствую, как от него пахнет ветром и чем-то горьким, возможно, сигаретами. — Не говори, что этот урод приходил! Не говори, что ты его видела?!

Я кладу яичницу на тарелку, посыпаю солью.

— Ты голодный. Садись, поешь.

— Мам! — он повышает голос, хватая меня за плечо. Не грубо, нежно. Так как обращаются только с родной матерью. — Скажи, что он не настолько мудак, чтобы прийти к тебе сюда! Скажи, что я ошибаюсь в своих догадках.

Я поворачиваюсь и вижу его лицо. Сведенные к переносице брови, дрожащие ноздри, сжатые челюсти. Мой мальчик. Мой защитник.

— Садись, — повторяю я, пододвигая тарелку.

Он фыркает, но садится. Ворчит что-то под нос, но начинает есть. По нему видно, что он голодный. Вилка дрожит в его руке, когда он нарезает яичницу.

— Эта идиотка вернулась? — бросает он между укусами, имея в виду сестру.

Я качаю головой и наливаю ему чай. Кружка парит, но я ставлю ее рядом с ним.

— Гадина! — он бьет кулаком по столу, отчего по поверхности чая запускается рябь. — Я весь город обыскал этой ночью, а она.... Она даже на сообщения не отвечает. Трубку не берет. Ведет себя как малолетняя идиотка. Вот попадется она мне, и я...

— Она у отца, — говорю я тихо.

Артем резко поднимает на меня взгляд. Его глаза горят.

— Помню, но думал, что найду ее. Нашла, блин, чью сторону занять. Вроде восемнадцать, а мозгов кот наплакал. Знал бы, где ее искать, домой бы за шкурку притащил, а отцу влепил бы так, чтобы на всю жизнь запомнил.

Он яростно откусывает хлеб. Жует, как будто этот кусок хлеба сделал ему что-то отвратительное. Я не могу не улыбнуться. Это мой сын, и он вырос настоящим мужчиной.

— Урод, — продолжает он, пока крошки хлеба летят на стол. — Пять лет мозги тра... делал. Пять лет! Потянуло на сторону — так вали. Точку поставь в прошлых отношениях и вперед на все четыре стороны. Скатертью дорога. Барабан на шею и погнал!

Я сажусь напротив и смотрю, как он ест. Его пальцы такие же длинные, как у отца, но сильнее, грубее.

— Мам, слушай, — он внезапно опускает вилку, — может, скажешь адрес этой курицы-несушки? Я стоняю к ней. Может, он там. У него же семья, все дела. По-любому же рванул к ним на всех парусах после того, как из дома свалил.

— Я не знаю, где она живет, — отвечаю я, поправляя салфетницу. — Квартира, которая была у нее здесь, давно продана. Я лично помогала ей с продажей, пока...

Воспоминания накрывают волной. Больница. Белые стены. Крики. Врачи, бегающие вокруг меня с криками: “Мы ее теряем!” А потом пустота. В животе. В жизни. Долгая, темная пустота.

— Пока меня не положили в больницу, — заканчиваю я, с силой выдыхая.

Артем замирает. Его глаза становятся остекленевшими.

— С выкидышем, — говорит он не вопросом, а констатацией. — Из-за которого мы тебя едва не потеряли.

Глава 13

Марина

Я медленно киваю, сжимая пальцы в кулаки, чтобы они не дрожали. Это был не просто выкидыш — это был кровавый ад, из которого меня едва вырвали. Я помню холод операционного стола, слепящий свет ламп, пронзительный запах антисептика и жгучую пустоту внизу живота, когда я наконец открыла глаза.

И первую, кого я увидела — Лену.

Она стояла у моей кровати, бледная, как призрак, с красными, опухшими от слёз глазами. Её пальцы впивались в мою руку, будто боялись, что я исчезну, если она разожмёт хватку.

“Прости, прости, прости...”, — шептала она, и её голос дрожал так, словно она сама была на грани падения в пропасть. — “Это из-за меня ты не выдержала. Это я взвалила на тебя столько, что ты сломалась. Это я виновата, что всё... всё так закончилось”.

Тогда я думала, что она сожалеет. Что корит себя за то, что не уберегла моего ребёнка. Что слишком долго металась, вызывать ли скорую, пока я истекала кровью. Что не смогла быть для меня опорой, когда я так в ней нуждалась.

А сейчас... сейчас я понимаю.

Ей было плевать.

Все эти слёзы, её дрожь, её покаяние. Всё было фарсом. И, скорее всего, уже тогда, в тот самый день, когда я теряла ребёнка, она уже была с ним. Утешала моего мужа в своей постели. Обнимала его, целовала, шептала, что всё будет хорошо пока я лежала в больнице, пустая, разбитая и не понимая, почему мир вдруг стал таким жестоким.

— А потом она ничего не говорила? — резкий голос Артёма вырывает меня из воспоминаний, и я моргаю, возвращаясь в кухню, в холодный свет лампы, в запах остывшего чая.

— Потом... потом она сказала, что уезжает в Германию. Что там у неё как-то получилось устроиться, и всё, — мой голос звучит ровнее, чем я ожидала. Без дрожи. Без слёз.

Артемом резко встает, ножки его стула корябают по полу. Раньше я бы попросила его быть аккуратней, чтобы не тревожить соседей, но сейчас на душе полное спокойствие. Пусть скребёт. Пусть ломает. Пусть весь мир услышит этот звук.

— Мам, ты же теперь понимаешь, что никакой Германии не было? — он мечется по кухне, как зверь в клетке, его пальцы сжимаются и разжимаются. — Отец строил с ней семью. Та девчонка в ресторане слишком легко его обняла. Если бы он был у них редким гостем, она не вела бы себя так... так естественно. Она не прижималась бы к нему, как к родному. Он бы не гладил её по волосам так... так привычно. Будто делает это каждый день. И уж точно у него не хватило бы денег гонять к ним в Германию. Она здесь. В нашем городе. Прямо сейчас.

Я закрываю глаза. Снова вижу тот ресторан. Ту девчонку в розовом платье, с лёгкостью бросившуюся к Диме, как к родному. Его руку, машинально опускающиеся ей на голову, пальцы, вплетающиеся в её волосы...

Он даже наклонился, чтобы подхватить её, будто делал это тысячу раз.

И только увидев мои глаза, он осекся.

Не взял ее на руки, но и не отстранился.

— Я понимаю, — говорю я.

И правда понимаю. Каждое его слово врежется в меня, как нож. Но самое страшное заключается в том, что я понимаю всё.

Кроме одного.

Как я могла быть настолько слепой?

Я поднимаю глаза на Артёма, и в груди что-то сжимается.

— Артём... знаешь. Я говорю тебе сейчас как взрослому мужчине, — мой голос тихий, но в нём нет дрожи. Только холод. — Я была слепа. Я виновата в том, что не заметила, когда всё началось. Но понимаешь... он не отстранялся. Не вёл себя как обычно во время измен. Не менял привычки. Ничего. Абсолютно ничего в его поведении не говорило о том, что у него есть другая семья. Другая женщина. Ни единого намёка, который я могла бы уловить. Да он даже на телефон пароль не ставил! Всё было... как всегда.

Арте́м останавливается и смотрит на меня. В его глазах не злость, а какое-то странное понимание.

— Потому что для него это не было изменой, мам, — он говорит тихо, и его руки опускаются на мои плечи, тёплые, тяжёлые. — Это была... вторая жизнь. Без нас. А Ленка... Ленка знает тебя как свои пять пальцев. Она знала, как действовать, чтобы ты ничего не заподозрила.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Потому что он прав. Дима никогда не врал мне. Он просто жил двумя правдами одновременно.

И самая страшная мысль, что, возможно, он действительно любил нас обеих.

И именно поэтому его предательство болит в моем сердце так сильно. Будто кто-то вырвал из груди кусок и даже не потрудился объяснить почему.

Глава 14

Марина

Артём сидит напротив меня, сжав кулаки на столе. Его костяшки побелели от напряжения. Он смотрит не на меня, а куда-то в стену за моей спиной, но я вижу, что он не просто злится. Он анализирует.

— Мам, ты же понимаешь, что Аня..., — он тяжело сглатывает. Его кадык нервно опускается вниз. — Твою ж... не думал, что это будет так... сложно. Мам, ты же понимаешь, — продолжает он чуть увереннее. — Понимаешь, что она сейчас втаптывает тебя? Добивает, когда ты и так лежишь на земле и не можешь подняться? — говорит он тихо, но каждое слово будто высечено из камня. — Так даже на ринге не поступают. Даже там бьют, но не добивают.

Я молчу. Потому что знаю, что это не просто вспышка гнева парня в силу возраста. Это холодная, мужская ярость, которая копилась в нём все эти дни.

— А эта сука... Эта Лена..., — он резко встаёт и стул скрипит под ним. — Увижу её и не посмотрю, что она женщина. Как вообще у неё мозгов хватило? После всего, что ты для неё сделала? После того, как ты ей помогала. После того, как она была вхожа в наш дом... Я не понимаю. У меня просто нет слов, как можно быть такой мразью!

Он начинает ходить по кухне широкими, нервными шагами. Его тень мечется по стенам, как в детстве, когда он не мог усидеть на месте.

— Ты ей квартиру помогла продать. Собой рискнула. Ребенком. Ты пережила такое, что и врагу не пожелаешь, и она это видела. Знала, как тебе тяжело. Ты её из той передрыги с гаишником вытащила, когда она пьяная за руль села, поверив в свою безнаказанность. Ты..., — он обрывается, сжимая виски пальцами. — Б..., твою ж... Мам, ты после выкидыша ей деньги одолжила, потому что у неё “Там в Германии проблемы. Потому что ей не хватает на оплату счетов, а там с этим строго!” Ты для нее столько всего сделала, а она...

Я закрываю глаза. Да, было и такое. Лена звонила мне через неделю после больницы, вся в слезах, просила в долг. Говорила, что там, “за границей”, у неё кризис. Проблемы. Что она не рассчитала силы.. А я... я лежала с трубкой у уха и думала: “Хоть кому-то помогу, раз своего ребенка не смогла уберечь”. Вот только теперь от собственной доброты сжимает горло с такой силой, что трудно сделать даже вдох.

— Артём..., — пытаюсь его остановить, но он резко оборачивается.

— Нет, мам. Ты меня сейчас выслушаешь, — он подходит вплотную, садится напротив.

Кладёт свои ладони поверх моих. Его руки тёплые, шершавые. Они принадлежат уже не мальчику, но ещё не мужчине, хотя, смотря в его глаза, я начинаю в этом сомневаться. Он повзрослел. За один вечер стал тем, на кого я могу положиться. На чье плечо я могу опереться.

— Аня полная дура. Она наивная, глупая идиотка, которая ведётся на эту лабуду про “сестрёнку”. Но я-то вижу, что это за спектакль. Ленка устала жить в тени. У нее что-то случилось, поэтому ты увидела весь этот спектакль. Я никогда не поверю, что женщина может быть настолько глупа, чтобы припереться туда, где вы точно будете. А она знала. Знала, что каждый год вы отмечаете этот день именно там. И пришла. Намеренно. Не сказала отцу, потому что он бы не позволил, но она хитрее. Возможно даже, что она действовала через ребенка. Давила на отца им. Я не знаю, как все произошло, но факт на лицо. Эта сука оказалась там неспроста.

Он делает паузу, его глаза горят ненавистью.

— А сейчас они все трое сидят где-то в кафешке и радуются. Лена довольна, что переманила Аню на свою сторону. Отец..., — он почти сплёвывает это слово, — думает, что раз дочь с ним, то и ты скоро сдашься. А Аня... Аня даже не понимает, что её просто используют.

Я смотрю на него и вдруг осознаю. Мой сын видит ситуацию чётче, чем я. Без эмоций, без иллюзий. Он видит все со стороны. Не проживая мою боль, которая затмевает собой все.

— Что ты предлагаешь? — спрашиваю я.

Артём медленно выдыхает.

— Ждать, — его голос теперь спокойный, стратегический. — Аня не дура на самом деле. Она остынет. Увидит их настоящие лица. И тогда... тогда она вернётся. А... твой муж. Он явно не планировал этого спектакля. И он еще придет. И не один раз. Потому что если бы он хотел порвать с тобой из-за “любви” на стороне, то сделал бы это давно, мам. У него было пять лет, чтобы уйти, но он оставался здесь. С тобой, а значит, в его планы не входил развод. Не знаю, насколько я прав, но когда любят, не держат в тени на протяжении стольких лет. Как мужчина, смею предположить, что он никогда не любил ее. Они вернутся, мам. Все вернутся домой, когда поймут, что их использовали.

Я хочу верить в его слова, что они все поймут, но понимаю, что он ошибается. Дима не остался бы с ней только из-за ребенка, а значит, у него были к ней чувства или что-то еще.

— Вернутся? А ты думаешь, я буду сидеть и ждать их? Думаешь, после всей этой боли, что они мне причинили, я смогу впустить их в свой дом?

Он сжимает мои руки сильнее. Смотрит так пронзительно, что трогает глубоко за душу.

— Не впускай. Не прощай. Делай так, как ты чувствуешь, но знай. У тебя есть я, и я всегда буду держать твои руки. Не Ани, не...твоего мужа, не уж тем более той девочки. Я буду держать твои руки, мам, и не позволю им давить на тебя.

Одинокая слеза срывается из глаз. Стекает по щеке, по подбородку и тихо падает на наши руки, и я понимаю, что Артем не просто мой сын. Он — единственный человек, который действительно на моей стороне. Не из жалости. Не из чувства долга. А потому что он видит правду.

И он никогда не простит тех, кто меня предал.

Даже свою сестру.

Особенно свою сестру.

Глава 15

Марина

Артем уже ушел. Он как всегда, сказал, что у него дела, и я не стала останавливать. Вот только после его ухода тишина повисает в воздухе, густая, как сироп. Я остаюсь одна на этой кухне. Пальцы автоматически смахивают крошки со стола, вытирают пролитый чай. Движения механические, будто тело живёт отдельно от сознания. Обычные бытовые мелочи, но почему тогда каждая из этих мелочей режет глаза, как осколки разбитого стекла?

Предательство мужа не страшно. Это как сломанная кость. Болит адски, но срастётся. Возможно, даже останется шрам, но жить можно.

Я поднимаю взгляд на холодильник, увешанный магнитами и детскими рисунками. Вот Анин рисунок "Моя семья" в пять лет. Четыре палочки-человечка под лучами синего солнца. Таким она его видела в своем возрасте.

“Не как у всех. Оно у нас другое. Особенное, потому что ни у кого нет такой мамы, как у меня” — всегда говорила она.

И теперь предательство дочери...

В груди вдруг разрывается что-то горячее и едкое, как кислота. Это как потерять часть себя. Важный орган. Конечность. То, без чего не выжить в этом мире.

Она была моей единственной девочкой. Моей малышкой. Первый крик в родзале, первые шаги, застенчивая улыбка на школьной линейке.

Я растила её не просто дочерью. Она была моей родственной душой. Я доверяла ей секреты, которые не рассказывала даже Диме. Смеялась над её шутками, плакала над её обидами. Думала, мы с ней одно целое.

И теперь она там. У них. С теми, кто разорвал нашу семью на куски.

Глаза сами наполняются слезами. Я не плачу. Слезы просто льются из моих глаз. Тихие, беззвучные, как дождь по стеклу.

Она выбрала их. Этих предателей. Добровольно. Зная, как мне больно. Зная, что каждый её шаг в их сторону — это нож в моё и без того едва бьющееся сердце.

Я вдруг представляю её сейчас. Как она сидит за их столом, может быть, даже держит на коленях ту девочку. Смеётся. Ест их еду. Слушает их разговоры.

Моя кровь. Моя плоть. В логове предателей и это было ее выбором.

В горле встаёт ком. А что, если она вскоре назовет Лену “мамой”?

От этой мысли меня буквально выворачивает. Я хватаюсь за раковину, чтобы не упасть.

Нет. Нет, она бы не смогла. Не настолько же...

Но ведь могла. Легко. Потому что она — ЕГО дочь. Потому что в ней течёт кровь человека, который пять лет лгал без зазрения совести.

Я вдруг вспоминаю, как она в детстве врала про разбитую вазу, глядя мне прямо в глаза, без тени смущения. Тогда я думала, что это просто характер. Возраст. Обычная детская глупость и нежелание быть наказанной, но теперь я понимаю, что это было предупреждение.

На столе звонит телефон. Артём. Я не беру трубку.

Потому что знаю, что если сейчас услышу его голос, не смогу сдержать крик боли, который разрывает мою душу. Закричу так, что соседи вызовут полицию.

Вместо этого я подхожу к её комнате. Открываю дверь.

Всё на месте. Плюшевые мишки на полке. Постеры с группами, которые она слушала в четырнадцать. Флакончик духов наполовину полный.

Как будто она просто вышла и скоро вернётся.

Но я-то знаю правду. Она уже не моя. И, возможно, никогда больше не будет.

Я тихо закрываю дверь. И в этот момент я понимаю страшное. Я не смогу её простить. Не сейчас. Не завтра. Может быть, даже никогда. Потому что мужа приходят и уходят. А дочь одна. И её предательство — это не нож в спину. Это вырванное с корнем сердце.

Телефон на столе вибрирует. Я подхожу, беру его в руки, смотрю на экран, и мир вокруг внезапно теряет цвет. Сообщение от Ани. Фотография в мессенджере.

Не знаю зачем, но руки сами его открывают. Пальцы дрожат. Загрузка идет слишком долго, словно сама Вселенная дает мне время на передумать. Хочу остановить загрузку, отбросить телефон в сторону, но уже поздно.

На экране она. Моя девочка. Моя Аня. Сидит где-то в незнакомом кафе, а на её коленях та самая девочка.

Дочь моего мужа. Внебрачная дочь, которая считает, что это я украла ее папу. Хотя это у меня украли. И не только отца моих детей, но и мужа.

Они обе смеются. Аня обнимает её так естественно, так по-сестрински, что у меня перехватывает дыхание.

На заднем фоне я вижу ноги. Моего мужа. Их я узнаю из тысячи, потому что на нем те джинсы, которые я лично покупала ему, несмотря на высокую цену. А на его коленях лежит рука. Женская. С изящным маникюром, который явно не из дешевых. Красный, с белыми полосами и какими-то рисунками.

А следом прилетает следующее сообщение:

“Мама, посмотри на неё. Она ни в чём не виновата”.

Контрольный выстрел. Прямо в сердце.

И делает это моя родная кровь. Моя плоть. Человек, которого я носила под сердцем девять месяцев, кормила грудью, растила, любила больше жизни.

Я вдруг вижу её перед собой. Маленькую, трёхлетнюю, с синяком на коленке. “Мама, поцелуй, и всё пройдет!”

Теперь она целует чужую девочку. Утешает чужого ребёнка, считая его своей сестрой.

Телефон выскальзывает из рук и падает на пол с глухим стуком.

Я встаю и подхожу к окну. На улице солнечно. Дети играют в мяч. Женщина везёт коляску. Обычный день.

Только мой мир в этот момент рушится окончательно.

Потому что именно сейчас я окончательно понимаю, что та Марина, которая была готова на всё ради семьи, которая прощала, терпела, верила в лучшее...

Она только что умерла. Убитая безжалостной рукой собственной дочери.

Я закрываю глаза и вижу перед собой пятилетнюю Аню, спящую у меня на груди после кошмара. Десятилетнюю Аню, доверчиво шепчущую мне свои первые секреты. Пятнадцатилетнюю Аню, рыдающую у меня на плече после первой любовной драмы.

Все эти Ани теперь стали призраками. Передо мной теперь только чужая, взрослая, жестокая девушка.

Я открываю глаза, поднимаю телефон и медленно... очень медленно стираю отправленное фото.

Потом смотрю в экран и пишу единственное, что могу:

“Я тоже ни в чем не виновата”.

И отключаю телефон. Навсегда.

Глава 16

Марина

Сегодня моя кухня наполнена теплым ароматом ванили и растопленного шоколада. Я перетираю муку между пальцами. Она такая мягкая, почти шелковистая. В миске желтки смешиваются с сахарной пудрой, образуя пушистое облако прямо в чашке.

Эти простые, почти медитативные движения успокаивают. Здесь, сейчас, в этом ритуале приготовления торта, есть какая-то хрупкая, но важная нормальность.

— Мама! — голос Артёма разрывает тишину, как нож обертку.

Я слышу, как дверь с грохотом захлопывается. Слышу его тяжелые шаги по коридору. Они быстрые, нервные.

— Я здесь, — отзываюсь, не поднимая глаз от миски. Мои руки продолжают высыпать ингредиенты в чашку. Венчики погружаются в сухую массу. Это приятное ощущение, когда ты что-то создаешь, строишь, а не разрушаешь.

Он врывается на кухню, весь взъерошенный. Его глаза такие же, как у меня, только сейчас они дикие, испуганные.

— Ты чего такой перепуганный? — спрашиваю, и мой голос звучит удивительно спокойно, будто это обычный день, будто в мире ничего не изменилось.

Он хватается меня за плечи, разглядывает лицо, ищет признаки слез и истерики. Но их нет. Я уже выплакала все, что могла. Теперь внутри только огромная, зияющая пустота, но... я дышу. Сердце бьется. Руки работают.

— Почему телефон недоступен? — он почти кричит.

— Отключила. Прости, я не подумала о тебе. В тот момент, я действовала как-то на автомате, — говорю и только сейчас понимаю, как глупо поступила. Артем волновался за меня, но в тот момент... я не могла иначе. Я не думала ни о чем, кроме боли, раздирающей мое сердце. — Завтра хочу сменить номер, чтобы никто лишний не беспокоил, — говорю это так, будто сообщаю о планах на завтрашний ужин. Но где-то внутри понимаю, что это символично. Новый номер. Новая жизнь. Пусть пока только на бумаге.

Артём замечает муку на полу, которая выскользнула из рук, когда я взяла пачку в руки, и его лицо меняется.

— Зачем нам торт? — спрашивает он, ничуть не обвиняя меня, и в его голосе слышится надежда, что, может быть, мама не совсем сошла с ума.

— Отметить твоё возвращение домой, начало моей новой жизни, — произношу это, и вдруг понимаю, что это не просто слова. Сегодня я проснулась со странным чувством в груди. Не с болью, а с... решимостью. Хрупкой, как первый лед, но такой настоящей.

— Вот как, ну раз так, — он ополаскивает руки и хватается миксер, тут же включаясь в процесс. Как и раньше. Как в детстве, когда он любил слизывать крем с краев чашки.

Он взбивает крем, а я наблюдаю, как его пальцы ловко управляют насадками.

И я замечаю, что дышу. Сначала робко, неуверенно, но с каждым вдохом всё глубже, всё свободнее. Воздух больше не режет лёгкие, не давит на грудную клетку. Он просто есть. И он мой.

Когда Артем мажет мне нос кремом, я впервые за несколько дней смеюсь. Настоящим смехом, который вырывается из глубины, преодолевая все преграды. И понимаю — я еще жива. Я фыркаю и отвечаю тем же, размазывая крем по его щеке. Он смеётся. Громко, заразительно, и я не могу сдержаться. Смех вырывается из меня, как что-то давно забытое, но такое родное.

И в этот момент квартира перестаёт давить. Стены больше не сужаются, воздух не кажется спёртым. Здесь снова есть жизнь. Здесь снова есть смех.

— Слушай, а я думаю, может, сюда вернуться, — бросает он между делом, вытирая руки полотенцем.

— Ты с ума сошёл? — я резко оборачиваюсь, замирая с чашкой крема в руках. — Ты же так хотел поступить в тот университет. Сколько ты готовился, экзамены, нервы... Давай уже учишься.

Лёгкость между нами тут же улетучивается.

— Мам, мне надо будет уехать через месяц. Как я тебя оставлю? — в его глазах настоящий ужас и от этого мое сердце вновь сжимается.

— Я справлюсь. И не такое переживала, — говорю я, и это не совсем ложь. Потому что сегодня я встала с постели. Сегодня я испекла торт. Сегодня я дышу. Это мои маленькие победы, но они важны.

— Мам, я не хочу так. У тебя тут совсем никого не останется.

— А как же ты? Я могу тебе звонить.

Он мотает головой, лицо напряжённое.

— А если отец вернётся?

От его заботы становится тепло, но в то же время в груди что-то щемит.

— Как придёт, так и уйдёт. Оставь это мне.

В голове проносятся мысли: развод, деление имущества, бесконечные бумаги, суды...

— Это будет нелегко, мам.

— Всегда нелегко, Артем. Но я справлюсь. Всегда справлялась.

— Мам, тогда, может, ты со мной? Тебя здесь всё равно ничего не держит.

— А работа? Думаешь, мне кто-то даст отпуск на несколько месяцев?

— Да чё там твоя работа! — он машет рукой. — Ты со своим опытом в офис в любом городе сможешь устроиться. Тем более я там с парнем с потока хорошо общаюсь. У него у отца своя контора какая-то. Да и отец у него нормальный. К нему устроим в два счета.

— Да не говори глупости, — отмахиваюсь, но в голове уже закрадывается мысль.

А почему бы и нет?

Почему бы не бросить всё и не уехать? Начну с самого начала. Дети взрослые, поживу для себя. Посмотрю мир. Я же никогда особо не выезжала.

И сын прав. Если он будет рядом, мне будет легче.

Я не из мам-наседок, но знать, что в одном городе с тобой есть человек, к которому можно прийти за помощью, греет душу.

— Давай я сначала подумаю, — отвечаю обтекаемо, хотя чувствую, как от одной только мысли в душе всё шевелится от предвкушения.

— Подумай, — подхватывает он, оживляясь. Потом внезапно замолкает, и я чувствую, что он хочет сказать что-то ещё, но никак не решается.

— Артем, давай говори уже, что у тебя на уме, — улыбаюсь, подбадривая его.

— Мам... тут в общем..., — он смотрит на меня, но не продолжает.

Я вымешиваю шоколад, делая вид, что не замечаю его колебаний.

— Аня..., — говорит он, и мой мир снова рушится. Рука сама замирает над миской. В горле ком. Сердце бьется так сильно, что, кажется, вырвется из груди. — Она просила передать, что они с отцом живут не у Ленки.

— Меня это не волнует, — лгу я. Потому что волнует. Потому что каждую ночь я просыпаюсь с мыслью о ней. Потому что предательство дочери — это не просто рана. Это ампутация. — Мне не важно, с ней они живут или нет. Они предали. И неважно, куда пошли потом.

— Я знаю. Просто подумал... если ты узнаешь, то хотя бы об этом не будешь думать. Я не хочу, чтобы ты мучала себя догадками, поэтому... Прости, если обидел, но иначе не мог, потому что вижу, как ты страдаешь.

Его руки осторожно обнимают меня со спины, и я закрываю глаза, позволяя этому объятию держать меня на плаву.

— Я не злюсь на тебя, — мои руки касаются его ладоней. Они такие теплые, по-мужски шершавые.

Пусть внутри пустота. Пусть боль. Но я здесь. Я жива.

Сегодня я испекла торт. Завтра... завтра посмотрим. Один шаг. Один день. Так, медленно, я научусь жить с этой дырой в душе. Потому что другого варианта нет. Потому что где-то там, под всеми этими слоями боли, я все еще мать. И я все еще человек. И у меня есть ради кого дышать.

Приглашаю вас и в другие книги нашего литмоба:

https://litnet.com/shrt/0_-B

Глава 17

Марина

Утро начинается с мягкого стука дождя по подоконнику. Я лежу, прислушиваясь к этому монотонному ритму, и размышляю о том, что Артём снова куда-то собирается. Он приехал всего несколько дней назад и сразу оказался в эпицентре настоящей бури.

Мой взрослый сын, бросивший подготовку к новому учебному году, чтобы быть рядом со мной в этот сложный период. Вот только почему-то он постоянно исчезает на полдня, а то и больше. Возвращается порой поздно, уставший и совершенно без сил, падает на кровать, а утром все повторяется вновь.

Я ворочаюсь в постели, пытаюсь угадать, куда он ходит. Может, у него появилась девушка? Эта мысль заставляет меня улыбнуться, но тут же в голову закрадывается другая, страшная: а если он... если он тоже ездит к отцу? К его дочери, считая ее своей сестрой.

Сердце сжимается так сильно, что я сажусь на кровати, хватая ртом воздух. Нет, этого не может быть. Сейчас Артём ненавидит своего отца даже больше, чем я. Он видит его предательство. Он понимает, что это не какая-то легкая интрижка, о которой случайно узнали. Он понимает, что это ребенок. Маленькое создание, оказавшееся во взрослой игре против своей воли.

— Мамуль, — его голова появляется в проеме. — Уже встала?

— Да, только что. Ты опять уходишь?

— Я ненадолго сегодня, — он подходит ближе, слегка приобнимает меня за плечи и уже собирается уходить, как я его останавливаю.

— Тёма!

— А?

— Не подумай, что я с упреком спрашиваю, просто... Куда ты уходишь? — все же нахожу в себе силы задать этот вопрос.

— По делам. Не волнуйся.

— Тёма...

— Мам, — он возвращается. Опускается передо мной на колени. Берет мои руки в свои теплые ладони. — Я знаю, что тебе довольно тяжело смотреть на эту реальность после того, как поступила Аня, но я не такой. Я четко вижу, кто здесь главный злодей. И это не ты, мам. Я ни за что на свете не пойду к отцу.

— Спасибо. Ты единственный, кто остался рядом со мной, — горло сжимает тугим спазмом.

— Не выдумывай лишнего. Если я и встречусь с ним по своей воле, то только для того, чтобы вмазать ему по физиономии, — он смотрит в мои глаза, и я чувствую как уголки моих губ приподнимаются в подобие улыбки. — Я побежал, ладно? Там ребята меня уже ждут.

Нехотя отпускаю его руки. Выхожу вслед за ним. Смотрю, как он быстро одевается и выходит, оставляя меня в полной тишине.

И все же мое материнское сердце не на месте. Что интересно у него за дела?

На кухне нахожу записку.

“Мама, вернись к ужину. Не волнуйся,” — его корявый почерк, оставленные следы от кружки на бумаге. Все это такое родное.

Видимо, он думал, что я проснусь позже. Рядом с запиской стоит тарелка свежеприготовленной, еще парящей манной каши, которую я так люблю, несмотря на то, что Дима постоянно твердил мне о том, что она бесполезная.

Кофе на плите закипает слишком громко, будто кричит о чем-то, о чем я мечтала годами.

Доедаю заботливо оставленный сыном завтрак и иду в СПА. Впервые в жизни. Думая только о себе и о своем желании быть счастливой. Несмотря на боль в груди. Несмотря на

терзающие душу чувства. Для себя. Для той, которая всегда мечтала об этом, даже когда Дима считал это бесполезной тратой денег.

“Что за блажь, Марин? Дома тоже можно расслабиться. Вон в ванну сходи. Соль там какую купи, пену, не знаю, что там тебе еще надо?” — всегда говорил он.

А я верила. Соглашалась, но не сегодня.

Нахожу самый ближайший к дому СПА и иду. С трепетом. С ожиданием чего-то приятного, после всех тяжелых дней.

В раздевалке снимаю привычные джинсы и свитер, облачаюсь в пушистый белый халат. В зеркале вижу чужую женщину. С усталыми глазами, но с какой-то новой решимостью в позе.

Массажистка с теплыми руками разминает мои плечи, и я чувствую, как годы напряжения покидают тело.

— Вы очень зажаты, — говорит она, — особенно воротниковая зона.

Я молчу, но знаю — это не от работы. Это от постоянного ожидания удара, от необходимости держать лицо, от слез, которые нельзя было показать даже себе.

Потом сауна. Ее жар обволакивает меня, как одеяло. Капли пота стекают по спине, смешиваясь с тем, что хочется назвать слезами, но нет, сегодня я не плачу. Я просто позволяю себе чувствовать.

Обертывания, пилинги, скрабы, чайная церемония под мелодичную музыку. Все это наполняет меня какими-то нереальными силами.

Возвращаюсь домой обновленной. Кожа пахнет маслами, волосы дорогим шампунем, и даже мое дыхание кажется стало глубже. Артём уже на кухне, доедает что-то из холодильника.

— Ты... погоди. Ты где была? — улыбается он, глядя на меня такими глазами, словно я изменилась до неузнаваемости.

— В СПА, — отвечаю с легкостью на душе. Больше никаких тревог или страха.

— Чего?! Ты была в СПА? — его глаза округляются.

— Да, — улыбаюсь я, — впервые в жизни. Это что-то нереальное, Артем.

— Ты этого заслужила, мам. Причем очень давно. Если соберешься в следующий раз, то скажи мне заранее.

— Что? Захотел со мной?

— Не совсем, — он улыбается, но больше ничего не говорит.

Он слушает мой восторженный рассказ, улыбается в нужных местах, но я вижу, что его мысли где-то далеко. Когда я спрашиваю, где он был, он отводит взгляд, вертит вилку в руках.

— Просто дела.

— Какие дела?

— Мам... давай не сейчас, ладно?

Я хочу получить ответ на столь легкий вопрос, но сегодняшнее ощущение легкости слишком дорого, чтобы разрушать его ссорой. Пусть пока он сохранит свою тайну.

Ночью лежу без сна, глядя в потолок. За окном все еще моросит дождь, а в голове крутится одна мысль: завтра будет новый день. И я продолжу пытаться понять своего сына. Продолжу учиться жить в этом новом мире, где так много вопросов и так мало ответов.

Глава 18

Марина

Рассветное солнце пробивается сквозь полупрозрачные занавески, рисуя на кухонном столе золотистые узоры. Я сижу у окна, наблюдая, как первые лучи освещают позавчерашний торт, оставшийся на столе. Его клубничный крем слегка осел, шоколадная глазурь потускнела, но он по-прежнему выглядит аппетитно. Мои пальцы медленно отламывают кусочек бисквита. Нежный, воздушный, точно такой, каким должен быть хороший домашний торт.

Я кладу сладкий кусочек в рот, закрывая глаза от удовольствия. Вкус детства, вкус свободы. Дима всегда ворчал, когда я позволяла себе сладкое на завтрак.

“Это неправильно, Марин, с утра нужно что-то полезное”, — говорил он, разбивая яйца на сковороду.

Теперь никто не будет меня останавливать. Теперь я могу есть торт, когда захочу. Эта мысль одновременно радует и щемит где-то глубоко внутри.

Из коридора доносится шарканье босых ног. Артём появляется на пороге кухни, весь помятый после сна. Его темные волосы взъерошены, глаза прищурены от яркого света. Он потягивается, обнажая полоску живота между свитером и пижамными штанами, и я не могу не улыбнуться. Он все тот же мой мальчик, хоть и вымахал под метр девяносто.

— Хорошо выглядишь, мамуль. Это на тебя так СПА подействовал или кусок торта на голодный желудок? — смеется он, целуя меня в щеку. Его губы холодные от утренней воды, а дыхание пахнет мятной зубной пастой.

— Спасибо. Думаю, что это все в совокупности, — отвечаю я, и понимаю, что это не просто вежливость.

Сегодня я действительно чувствую себя лучше. Боль, которая еще вчера с утра разрывала мою грудь, сегодня притупилась, стала глуше, как далекий шум поезда. Если не думать о случившемся, можно даже поверить, что все в порядке.

Артём наливает себе кофе, и я наблюдаю, как пар поднимается из его кружки, растворяясь в утреннем воздухе. Он делает большой глоток, морщится от горячего и вдруг говорит:

— Я сегодня никуда не еду. Как тебе идея выйти и прогуляться где-нибудь в парке? Подышим свежим воздухом, развеемся, поболтаем. Меня так давно не было, что нам есть что с тобой обсудить.

— Например, как ты закончил первый учебный год? Или ты хочешь рассказать, что скоро женишься?

— На мою свадьбу пока даже не надейся, а вот про учебу можно. Мне есть что тебе рассказать, — отвечает он, отламывая кусочек торта и отправляя его в рот.

— А я не против. В какой пойдем? — спрашиваю и сразу ловлю себя на том, что готова пойти хоть куда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.